airiti

Приём лексической трансплантации: прагматические и стилистические функции «трансплантантов-русизмов» в иноязычном тексте

Савченко А.В.
Государственный университет Чжэнчжи, Тайвань
國立政治大學斯拉夫語文學系助理教授，台灣

Аннотация

Использование элементов чужого языка в повседневной неформальной коммуникации – достаточно частое и пока малоизученное филологами явление. Однако, как представляется, «лексическое транспланирование» в устную речь элементов чужого, а особенно – близкородственного языка, заслуживает более пристального лингвистического внимания.

В статье обозначена проблема трансплантации слов, фраз (в т.ч. интертекстем) из русского в другие языки (в первую очередь, случаи и контексты употребления таких лексических единиц в близкородственных языках: украинском, чешском, польском). На конкретных примерах производится попытка описания лингвистической природы, выявления основных функций, типологизации подобных единиц.

Ключевые слова: лексическая трансплантация, заимствование, экзотизм, варваризм, интертекстема, прецедентный феномен.

本篇稿件於 2016 年 8 月 8 日通過刊登

airiti

A lexical transplantation method: pragmatic and stylistic functions of "transplant-Russianisms" in foreign text

Savchenko A.V.

Department of Slavic languages Chengchi University,Taiwan

國立政治大學斯拉夫語文學系副教授，台灣

Abstracts

The usage of lexical elements (words, expressions, idioms) of a foreign language in everyday informal communication is very frequent but still little-studied phenomenon in modern linguistic. However, so called “lexical transplantation” of lexical elements of one foreign language to another should be analyzed by linguists more detailly.

The article is devoted to the problem of “lexical transplantation” of various lexical elements (including of intertextual character) from Russian to another foreign languages (first of all, to the closely related languages, e.g. Ukrainian, Czech, Polish). On the concert examples and contexts from oral speech and literature could be shown the linguistic nature of such units, their pragmatic function in the text (both oral and written) and classification.

Key words: lexical transplantation, borrowing, exoticism, barbarism, intertextual element, precedent phenomenon

airiti

Итальянец в Ситибанке на Невском: «Is it possible to process everything without your usual BARDAK?!». Велик и могуч (А. Цыпкин «Женщины непреклонного возраста»)

Включение в текст иноязычных вкраплений в оригинальном или трансформированном виде (фонетическое, морфологическое, лексическое уподобление в принимающем языке), т.е. использование приёма «лексической трансплантации», представляет собой специфическую особенность современного дискурса, достаточно часто встречающуюся как в устной речи, так и в письменных текстах (в первую очередь, в текстах литературных произведений).

Данное явление, однако, не тождественно понятию ′заимствования′, поскольку в принимающем языке такие «трансплантанты», как правило, имеют лексические эквиваленты, в то время как заимствования заполняют лакуны «безэквивалентности», входя в лексический состав языка. Заимствования фиксируются толковыми словарями и как правило попадают в пласт литературной лексики. Такое же отличие «лексических трансплантантов», с одной стороны, и варваризмов и экзотизмов – с другой. Явление трансплантирования из других языков, как правило, не фиксируется словарями, и в большинстве случаев такие лексические трансплантанты окказиональны.

Таким образом, под термином *трансплантант* понимается перенос слова из одного языка в другой или в точной, оригинальной форме, или в несколько адаптированной в соответствии с фонетическими правилами принимающего языка (например, в русском: пол. *пенён(д)зы,* укр. *незалежная,* бел. *бацька* и т.д.) для создания определенных стилистических и эмоциональных контрастов: «*Завтра я на всё забью, Завтра в школу не пойду и хау ду ю ду!*» (соврем. песня), «*Бонжур вашей хате!*» (сов. фильм), записи разг. речи русскоязычных: «*А я бросила трубку и: чао, бамбино, сори!* (цитата из итал. эстрад. песни); *А он по-английски-то спикает? – Да шпрехает чё-то; Ничего не поделаешь, такая уж наша селяви, как говорят французы; Ты вообще, ферштейн или не ферштейн по-русски? Или мне надо повторять по сто раз?*»; «*Я очень его [польский юмористический журнал «Шпильки»] любил. «Шпильки» показывали, насколько советская пята не смогла придавить польскую интеллигенцию. Это был замечательный, свободный, веселый, такой sophisticated журнал*». (Вл. Сорокин, из интервью) и т.п.

airiti

Приём трансплантации не нов, он имеет давнюю традицию; свидетельством этому могут служить примеры из художественной литературы 19-20 вв. В частности, Н.В. Гоголь в речи своих персонажей, а также для создания колорита украинского быта широко использует трансплантанты из украинского языка (многие из которых впоследствии вошли в литературный русский язык). Примечательно, что сам автор дополнил текст «Вечеров на хуторе близ Диканьки» словарём украинизмов, или в нашем понимании трансплантантов из украинского языка: *парубок, хата, дивчина, хлопец* и т.п. Трансплантанты из других языков встречаются и у других русских писателей. Например, у Ф.М. Достоевского в «Братьях Карамазовых» в сцене с поляками находим:

- *Можешь на́ то раховаць! – презрительно отрезал высокий пан на стуле.*

- Пани, я ниц не мувен против, ниц не поведзялем (я не противоречу, я ничего не сказал).

Пан Врублевский взял стакан, поднял его и зычным голосом проговорил:

- *За Россию в пределах до семисот семьдесят второго года!*

- Ото бардзо пенкне! (Вот так хорошо) – крикнул другой пан, и оба разом осушили свои стаканы (Достоевский, «Братья Карамазовы»).

Или у М.Булгакова в «Белой гвардии», где действие происходит в Киеве, обнаруживается примеры трансплантантов из украинского языка, типа: *«Посвидченя!»; «Я на вашей мови не размовляю»; «От строго заборонють, щоб не було бильш московской мовы».* В некоторых случаях подобные трансплантанты могут служить основой иронического обыгрывания, как, например, в следующей сцене: «*Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицького, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицький... Так вот спрашиваю: как по-украински "кот"? Он отвечает "кит". Спрашиваю: "А как кит?" А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется. Николка с треском захохотал и сказал: «Слова "кит" у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты, а в России всего много. В Белом море киты есть...*».

Использование трансплантантов в большинстве случаев авторски регламентировано: они используются с определённой прагматической установкой. Главная их характеристика – это узнаваемость участниками коммуникации, за счёт которой и достигается необходимый эмоционально-

airiti

стилистический эффект (однако иногда носители языков, откуда трансплантирована та или иная фраза, могут не узнать её из-за сильной фонетической, морфологической или даже лексической адаптации в принимающем языке).

Явление трансплантантации чаще всего встречается в (близко) родственных языках, а также в национальных языках народов, входивших ранее в единые государственные образования и впоследствии ставшие независимыми (например, взаимодействие между русским и украинским, словацким и чешским; из неродственных, например, немецкие трансплантанты в чешском, русские в языках бывшего СССР и т.н. «Соцлагеря»).

Процесс употребления, проникновения в речь лексических трансплантантов порой обусловлен определённой степенью стереотипизации сознания народа; во многих случаях трансплaнты – это прецедентные феномены в широком смысле: штампы, клише, узнаваемые цитаты, языковые стереотипы. В последнее время приём трансплантации стал особенно популярен и наиболее ярко проявляется не только в разговорном языке, но и в языке прессы, что в большинстве случаев связано с активными политическими процессами в Восточной и Центральной Европе.

В польском языке, например, приём использования слов и отдельных выражений (равно как и польских в русском) имеет давнюю традицию – ещё со времён пребывания Польши в составе Российской империи. Но и сегодня отдельные обороты: слова и фразы родом из русского языка встречаются и в разговорной речи поляков, и в литературных текстах, и в языке СМИ. Как пример приведём небольшой отрывок из детективного романа И. Хмелевской: *Co? – spytała z roztargnieniem Alicja. – Paszła won! Co mi tu będziesz latała i gryzła!* (*«Что? – рассеянно спросила Алиция. – Пошла вон! Будешь мне тут летать и кусаться!» [о мухе]*. (J. Chmielewska, Wszystko czerwone // И. Хмелевская, «Всё красное»).

В польских СМИ нередко можно встретить и трансплантант *sowiecki* вместо оригинального польского *radziecki*. В подобных случаях авторы текстов стремятся подчеркнуть сарказм, вплоть до ёрничества или пренебрежение к описываемому (сравни также аналогично в украинском: трансплантант *совєтський* вместо укр. *радянський*).

Отметим, что при использовании трансплантантов в СМИ читатель понимает и узнаёт трансплантант, при этом в его сознании возникает и

airiti

срабатывает эффект чужеродности, и таким образом вызывается и достигается нужный эффект игры «своего и чужого».

В этой связи интересна история русско-чешских лексических контактов. В эпоху чешского национального возрождения именно приём трансплантирования (послуживший основой для постепенного заимствования слов из русского языка в чешский) во многом способствовал обогащению чешского литературного языка: в частности благодаря чешским славистам Й. Добровскому, Й. Юнгману и др. в чешский язык вошло значительное количество русизмов, с помощью которых не только был значительно расширен словарный состав чешского литературного языка, но и созданы лексически богатые синонимические ряды; многие русизмы использовались чешскими литераторами как поэтизмы – стилистически возвышенная лексика (русские слов *děva, šeja, trud, vesna, vzduch, příroda* и др. вместо чеш. *dívka* или *holka, krk, práce, jaro, povětří, přirození* соответственно). Постепенно на протяжении 19 в. из русского в чешский вошли, например, слова *obřad, záliv* и многие другие (см. об этом подробнее: [Лилич 1958]).

Пожалуй, самое большое количество русизмов проникло в чешский язык во второй половине 20 в., когда после 2-й Мировой войны, с установлением в Чехословакии социалистического строя, русский язык стал интенсивно распространяться на территории Чехословакии. Это явление имело как положительный, так и отрицательный характер. С одной стороны, оно способствовало более тесному сближению родственных славянских народов, с другой, начавшееся в скором времени активное насаждение русскоязычных элементов в чешский язык, главным образом идеологического характера, привели к излишнему засорению чешского языка русизмами. Благодаря близости фонетической, грамматической и синтаксической структур русского и чешского языков и, на первый взгляд, относительно безболезненному проникновению подобных элементов в чешский язык, в него стало проникать большое количество русских слов, зачастую вытеснявших исконно чешские: *požárník* (вместо чеш. *hasič*), *pohraničník* (чеш. *hraničář*) – в обоих этих случаях замена чешского слова производилась для повышения репутации профессии (сравни современное русское использование слова *менеджер (по…)*). Помимо этого, в чешском языке стали активно использоваться так называемые русизмы-советизмы: *agitátor, šturmovština, prověrka* и другие. С течением времени некоторые такие лексические единицы постепенно «врастали» в

airiti

чешский язык и постепенно фактически переставали отождествляться с русским языком.

В результате в чешский язык попадали слова-варваризмы, то есть, по сути, именно «трансплантанты», противоречащие системе чешского словообразования и фонетики: *jolka, jaščík, chozrasčot, trudoden* и т.п. Такого рода русификация стала вызывать раздражение у чехов. Употребление ими в разговорной речи отдельных русских слов начало довольно быстро приобретать оттенок (скрытой) насмешки, иронии, сарказма. Это во многом нашло отражение в произведениях таких чешских авторов, как М. Кундера, Й. Шкворецкий К. Пецка, Я. Кршесадло, Я. Топол и др., где употребляемые русизмы (в т.ч. так называемые советизмы), а также искажённый (как правило намеренно) русский язык, по определению чешского исследователя П. Мареша, «являются символическим олицетворением "привозного ужаса", им присуща черта чужеродности, недружелюбности» [Mareš 1998, 29].

На современном этапе многие русизмы, включая трансплантанты-русизмы, заимствовавшиеся с конца 18 в., ушли из чешского языка, однако некоторые слова и выражения из русского языка живут в языковой памяти чехов по сей день. Функционирование русизмов в современном чешском языке можно представить следующим образом:

1) трансплантанты-русизмы, прочно вошедшие в чешский языковой обиход (как правило, если они безболезненно вписались в фонетическую и морфологическую систему чешского языка) и, как правило, утратившие стилистическую окраску (т.е. уже не воспринимаются как чисто русские). К таким можно отнести слова *učiliště* (наряду с чеш. *průmyslová škola*), *prověrka* (наряду с чеш. *kontrola*); некоторые слова развили или изменили своё первоначальное значение: *ochranka* (охрана, секьюрити; первоначально как реалия – 'царская охранка'), *činovník* ('должностное лицо, работник общественной организации, чиновник', в спорте: 'член судейского корпуса'). Судьба слова *prověrka* достаточно интересна: оно было заимствовано в 50-е годы 20 в. для обозначения кадровой чистки. По семантике слово *prověrka* было идентично семантике советизма *čistka*, который был зафиксирован словарём чешского языка Фр. Травничека ещё в 30-е годы (таким образом, был достаточно известен чехам). Замена одного русизма другим обусловлена тем, что слово *čistka* звучало пугающе в 50-е годы, когда начались активные партийные чистки в Чехословакии. Благодаря своему достаточно широкому

airiti

смысловому значению, слово *prověrka* приобрело широкое распространение в значении 'общественный контроль'. От данного существительного был также образован глагол *prověřovat*. Однако в современном чешском языке вновь достаточно широкое употребление получило и слово *čistka*, которое приобрело дополнительное смысловое, терминологическое расширение – *etnická čistka*: *Politická očista nebo etnická čistka?* (*«Политическое очищение или этническая чистка?»*; газетный заголовок). Актуализируются в новых условиях слова *běženec, pogrom, zvěrstva*. Продуктивным с точки зрения деривации стало слово *samizdat*, от которого образованы формы прилагательного – *samizdatový* и наречия – *samizdatově*.

2) Некоторые слова сохранили эмоционально-экспрессивный (как правило негативный) заряд, однако их употребление уже не мотивировано историческим прошлым: *bumážka, bumaga / bumága* – как символ бюрократической волокиты (например, фрагмент из живой речи: *Oni tam po mně chtěli ňakou tu bumažku. – Они там хотели от меня какую-то бумажку.*). Примечательно, что это довольно редкий случай, когда трансплантант из обиходно-разговорной речи был зафиксирован современными чешскими словарями, указывающими значение данного слова с пометой *нар.-разг.* 'официальный документ, справка, разрешение'.

3) В некоторых контекстах исторически трансплантированные слова иногда становятся предметом обыгрывания, создания каламбура*: vánoční jolka* (чеш. *stromeček – новогодняя ёлка*) *e-mail jáščik* (чеш. *skříňka – электронный почтовый ящик*) */Podařilo se mu v Petrohradě získat e-mail jáščik. – Ему удалось в Петербурге получить e-mail jáščik./* и т.п.

4) Чешские словари неологизмов уже фиксируют отдельные трансплантанты, отражающие некоторые реалии (в первую очередь, связанные с Россией), например, *maršrutka, začistka*. Подобного рода трансплантанты достаточно быстро обретают статус обычных слов-неологизмов и входят в языковой обиход благодаря близости фонетической и словообразовательной моделей.

По-прежнему достаточно популярным является приём трансплантирования русских слов в текст / речь, а также имитация (искажение) русского языка. Как правило, подобные лексические трансплантанты используются для создания разнообразных стилистических эффектов, а также нередко подчёркивают национальный русский колорит. Среди наиболее часто употребительных

airiti

трансплантантов-реалий можно отметить слова *dača, dačník, stakan (vodky), samohonka, děngi /děňgi, déngi/, babuška, načálnik, děžurný* (например, по станции). Интересно, что в памяти чехов, некогда приезжавших в СССР и останавливавшихся в наших гостиницах, прочно осталась реалия *děžurnaja/ děžurná*. Данный трансплантант используется чехами и сейчас. Вот самый свежий пример отзыва чехов, побывавших на ЧМ по хоккею в Москве: *Na patrech už ale dnes nehlídají typické sovětské "děžurné", tedy pokojské a uklízečky v jedné osobě, které kdysi zodpovídaly za jednotlivá patra*. ("На этажах сегодня уже, однако, не дежурят типичные советские *"děžurné"*, то есть горничные и уборщицы в одном лице, отвечавшие когда-то за конкретный этаж".) Или о Петербурге: *Děžurnaja však neocenila naše rozsáhlé znalosti cizích jazyků a tak to vypadá, že Auroru půjdeme shlédnout až s ranním sluncem*. (*Děžurnaja* не оценила наши обширные познания иностранных языков, и похоже, что пойти взглянуть на "Аврору" у нас получится только с первыми лучами солнца").

Иногда на базе трансплантантов создаются эффектные шутливые сочетания как, например: *Za zmínku stojí ještě přehnaně aktivní security-bábuška na Petrohradském letišti, která mi po kontrole batohu omylem roztrhala letenku, domnívajíc se, že to byl lístek od bagáže* ("Стоит ещё упомянуть чересчур активную *security-бабушку*, которая, проверяя мой рюкзак, по ошибке порвала билет, думая, что это багажная квитанция"). Живы в памяти чехов и некоторые культурные реалии. Вот как один чех, побывавший в Петербурге, описал главный стадион города "Петровский": *opět stadion vzor Nu, pagadi!* (опять стадион типа "Ну, погоди!") Популярный советский мультвильм был также популярен и в Чехословакии, где шёл под названием *Zajíci, počkej!*

В целом необходимо отметить, что все указанные употребления русизмов-трансплантантов и имитаций русского языка в текстах и речи постепенно утрачивает тот налёт "чужеродности", о котором писал Фр. Мареш. Сейчас такие единицы, скорее, используются в функции шутливо-ироничного описания российской действительности.

Однако рассматриваемое явление, по нашему мнению, наиболее ярко и широко представлено в украинском языке, в первую очередь, – в живом разговорном его варианте. Это можно объяснить целым рядом причин, в частности, непростой языковой ситуацией (украинско-русское двуязычие, наличие «смешанного» разговорного варианта украинского языка – «суржика»),

airiti

а также многовековыми тесными и неоднозначными историческими взаимоотношениями России и Украины.

В украинском языке трансплантанты из русского языка употребляются преимущественно для придания юмористическо-экспрессивной окраски речи говорящего, создания шутливого колорита своей речи, восполнения недостающих средств, характерных для просторечного либо обиходно-разговорного языка (во внимание не принимаются ярые национал-патриотические украинские и российские СМИ).

С нашей точки зрения, элементы, трансплантируемые из русского языка в спонтанную украинскую речь, можно классифицировать следующим образом:

1. Языковые штампы и клише: *Короче, що він тобі сказав? – Короче, дело к ночи, я йому подзвонила…*; *Ну і як це називається? – Мені так здається, що в нього минутная слабость*; *А я йому кажу, будь ласка, какие проблемы? Заходь!*; *Коли ви собі так вирішили – тогда вперёд!*; *А ти що не бачіш, в нього вже бєлая горячка*; (в адрес милиционеров): *О, подивіться, вже йдуть! Це ж братья наши меньшие!*;

2. Штампы из массовой российской культуры (кино, песни): *А що, кава подорожчала? – Та я Вас перепрошую, Пане, та де там подорожчала, вже сто лет* (языковой штамп) *як 5,50. – Добре-добре, нет, мы не плачем и не рыдаем, тоді дайте нам, будь ласка, дві розчинні*; *А в нас шеф такій, що як тількі подивиться і «всьо»: кончен бал, погасли свечи!*; *Ой, боже, хто це йде? Ну, хлопці, зараз вам буде: гуляй губерния!!*; *Зробіть нам, будь ласка, дві кави. – Зараз Бодя прийде та зробить, бо я вже, Вы бачите, Пане, никакая* (языковой штамп)*, як в тумане* (штамп)*, я вже як той ёжик тумане!*, *Історія – це завжди суб'єктивний погляд, а долі людей – це реальні речі реальних родин: Есть только миг – между прошлым и будущем – именно он называется – ЖИЗНЬ!* (СМИ);

3. Фразы из лозунгов, расхожие высказывания, цитаты-интертекстемы: *Я досить собі усвідомлюю, що під час всіх ціх перетворень ми стикатимемося і з перегибами на местах* (СМИ); *я собі відкрив цю гілку и сказал поехали, и взмахнул рукой*;

4. Отдельные слова, вставленные в украинскую речь, которые приобретают новое значение или стилистическое наполнение и «живут» в языке или как постоянные эпитеты: *Зараз прийдуть "таварищи" і Вам скажуть, що це все неправда* (СМИ; также намеренная имитация русского аканья), или как

airiti

спонтанные речевые средства: *Різдво для нас – це велике свято, а у Києві всі тільки й знають, що Новый год – Новый год*; *Зачекай, я в кармані подивлюся – Українською не «карман», а кишеня! – Та яка це кишеня? На такому старому одягу одні карманы*;

4. Неполнозначные, вводные слова и слова-паразиты, такие, как: *тоже, вообще, это самое* и т.п.: *ну, конечно, це ж таке життя, я ж брехнею не займаюся, я тільки так… я просто, я вообще*.

Данное явление может быть объяснено проблемой недостаточной разработанности украинского обиходно-разговорного языка, а также тем, что именно в данной – обиходно-разговорной сфере функционирования языка высока потребность говорящего в экспрессивных элементах, в использовании юмористических средств, нецензурной лексики, в интертекстемах: штампах, цитатах из массовой культуры (назовём это явление «лакунарность прецедентности»). Эту нишу современный носитель украинского языка восполняет трансплантированием из русского языка для «экспрессивизации» своей речи в непринужденном общении, для придания ей обиходно-разговорного стиля

Таким образом, можно выявить следующие основные функции трансплантирования: 1) передача национального колорита; 2) ирония, юмор; 3) стёб, ёрничество, сарказм, уничижение; 4) наиболее «трансплантируемым» в речи иностранцев (независимо от их конкретной национальности), по нашим наблюдениям, оказывается «русский субстандарт».

Зачастую процесс проникновения трансплантантов вызван определенной степенью стереотипизации сознания народа, представления славян друг о друге; во многих случаях трансплантанты – это штампы, клише, языковые стереотипы.

Заявленная проблема, безусловно, требует более пристального внимания и глубокого анализа. Здесь лишь были обозначены некоторые аспекты такого явления, как лексическая трансплантация, мы постарались в самых общих чертах осветить его историю, выявить основные функции, аспекты употребления трансплантантов, а также оговорить причины их проникновения в язык. Ещё раз отметим, что подобные явления свойственны не только родственным языкам – они обусловливаются факторами культурной и территориальной близости народов, политическими и социальными аспектами и даже могут определяться взаимными симпатиями и антипатиями. Возможно,

airiti

необходимо заняться паспортизацией и лексикографическим описанием наиболее частотных случаев трансплантации и трансплантантов.

Отметим также, что данная проблематика представляется актуальной и в свете активного развития социальных сетей, где приём трансплантирования «чужеродных» языковых элементов (как отдельных слов, так и фраз, цитат, идиоматики) выполняет целый ряд тексто- и смыслообразующих функций. Помимо указанных, также, в частности, комментирующую (эквивалент на языке оригинала) – это особенно заметно в интернет-текстах на китайском языке, где часто в скобках даётся написание на русском языке, «образовательную»: иноязычное (русское) слово «имплантируется» в оригинальный текст с определённой учебно-практической целью: от поиска эквивалента в родном языке в данном контексте до демонстрации оттенков значения трансплантанта; лексическое трансплантирование может также использоваться и в качестве своеобразного кода-шифра (когда трансплантант – слово или выражение – в общем контексте понятно лишь ограниченному числу участников коммуникации). Свою роль играет и «языковая мода»: престижность использования незнакомого, иноязычного и при этом пока малоупотребительного слова (например, как это было в случае с англ. *trend* на ранней стадии вхождения этого слова (*совр.* тренд) в лексический состав современного русского языка).

Отдельно может быть поставлен вопрос об изучении случаев «лексического трансплантирования» в речи эмигрантов: людей, долгое время живущих в другой стране и «вставляющие» в свою речь на родном языке слова (resp. выражения) из языка страны проживания. Ограничимся лишь одним примером: «*Ребят, кто едет сегодня из Подгорицы в Будву днем пустой, отзовитесь … . Еду с большим ковром, оплачу* <u>*гориво*</u>». Во фразе вместо русского слова ’*топливо*’ говорящий употребил его сербское соответствие ’*гориво*’. Нередко такие случаи также представляют собой одну из разновидностей языковой игры (игры слов).

Представляется интересным и полезным фиксирование и лингвистический анализ подобных случаев, определение степени частотности тех или иных выражений, степень их «универсальности» (использование в одном или большем количестве языков). Так, например, уже сейчас можно говорить о частотности и «универсальности» таких трансплантантов из русского языка в

airiti

другие – родственные и нет, – как *давай-давай!, бабушка, девушка, маршрутка, бардак, друг* и др.

Представляется перспективным и использование метода лексического трансплантирования в устную речь отдельных слов и фраз для более интенсивного развития навыков устной речи на начальной стадии обучения иностранному языку (в частности, русскому китайскоговорящих студентов), однако это уже тема для другого исследования.

Литература

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. – М., 2001. – С. 44.
2. Богданов В.В. Прагматика иноязычных вставок в текст // Функционально-текстовые аспекты языковых единиц. Сборник статей. СПб., 1995. С. 8-12.
3. Лилич Г.А. К вопросу о лексических заимствованиях из русского языка в чешский // Славянское языкознание. Вып. 44. №250. Л., 1958.
4. Лингвистический словарь 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
5. Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
6. Daneš Fr. Situace a celkový stav dnešní češtiny // Daneš Fr. a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997.
7. Mareš P. K vicejazyčnosti v uměleckém textu (Cizojazyčné prvky v českých uměleckých textech) // Česká slavistika. Praha, 1998. S. 25-30.